

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

METHODOLOGICAL BASIS OF MODERN CRIMINOLOGY

Научная статья

УДК 343.9.01

EDN ZUWJDI

DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).213-224

ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

В.А. Номоконов

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

18 мая 2023 г.

Дата принятия в печать

8 июля 2023 г.

Дата онлайн-размещения

18 июля 2023 г.

Ключевые слова

Методологические основы криминологии; парадигмы криминологии; синергетика; позитивная криминология

Аннотация. Сегодня важна конвергенция, синтез научных подходов, пытающихся объяснить деструктивное поведение. Основными методологическими каркасами современной криминологии образуют два главных конкурирующих подхода — аксиологический (нормативистский) и онтологический (социологический). В определенных пределах оба теоретико-методологических подхода имеют эвристическую ценность и соотносятся по известному принципу дополнительности. Однако реальное многообразие теоретических, методологических концепций в криминологии значительно богаче, нежели сведение его к противостоянию двух выше названных подходов.

Аксиологический подход к объяснению причин преступности логично приводит к концепции так называемых социальных деформаций, которые понимаются широко, не только как «деформации-нарушения», но и как «деформации-несовершенства», по сравнению со своего рода социальным эталоном данных отношений. Эталон, в свою очередь, должен не определяться умозрительно, а объективно диктоваться исторической перспективой, доминирующей тенденцией развития данного общества или всей человеческой цивилизации.

Новая парадигма, которая уже начала входить в методологический арсенал отечественной криминологии, связана с восприятием криминологами идей синергетики. В этой связи для объяснения причин преступности может быть полезным использование «принципа подчинения». Это означает, что сложную задачу можно свести к решению небольшого числа переменных («параметров порядка»), которые определяют все остальные. В познании причинного комплекса преступности очень важно найти те обобщающие показатели, которые играют в системе названного комплекса главную, определяющую роль. Синергетический подход мог бы лечь в основу и принципиально новой концепции профилактики преступности в целом. Это позволяет объяснить, почему нередко очень сильное внешнее воздействие на систему оказывается гораздо менее эффективным, чем гораздо более слабое, и наоборот: оно должно быть не столько сильным, сколько резонансным, т.е. в максимальной степени согласованным со свойствами управляемой системы. В последние годы в криминологической литературе получила определенное развитие идея так называемой позитивной криминологии. В основе ее лежит гуманно-личностный подход, для успешной реализации которого необходимо более глубокое проникновение в сущность личности преступника.

Original article

PARADIGMS OF MODERN CRIMINOLOGY

Vitaly A. Nomokonov

Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2023 May 18

Accepted

2023 July 8

Available online

2023 July 18

Abstract. What is important today is the convergence and synthesis of research approaches that strive to explain destructive behavior. The basic methodological framework of modern criminology is composed of two competing approaches — the axiological (normative) and the ontological (sociological) ones. Both theoretical-methodological approaches possess, to a certain extent, some heuristic value and correlate according to the well-known principle of complementarity. However, the actual variety of theoretical and methodological concepts in criminology is so rich that it cannot be reduced to the opposition of the two abovementioned approaches.

Keywords

Methodological foundations of criminology; paradigms of criminology; synergetics; positive criminology

The axiological approach to explaining the causes of crime logically leads up to the concept of so-called social deformations that are understood in a broad sense, not only as «deformations-violations», but also as «violations-imperfections» compared to some kind of social standard for these relations. The standard, in its turn, should not be defined speculatively, but should rather be objectively dictated by the historical perspective, the dominant trend of the development of this society and the whole human civilization.

The new paradigm, which is becoming part of the arsenal of Russian criminology, is based on the acceptance of synergetics ideas by criminologists. In connection with this, the «principle of subordination» could be useful for explaining the causes of crime. It states that a complex task can be reduced to solving a small number of variables («the parameters of order») that determine all others. When understanding the causal complex of crime, it is crucial to find the general indicators playing the key, determining part in the system of this complex. The synergetic approach could also become the basis for a principally new concept of crime prevention in general. It explains why sometimes a very strong external influence on the system turns out to be far less effective than a weak influence does, and vice versa: the important feature of the influence is not for it to be strong, but to be resonant, i.e. maximally aligned to the features of the managed system.

The idea of so-called positive criminology has been discussed in criminological publications in recent years. It is based on the humane-personal approach, and its successful implementation depends on a deeper understanding of a criminal's personality.

Вероятно, нет нужды лишней раз доказывать необходимость адекватной методологической основы криминологических исследований, когда логика познания объекта, например причинности, должна соответствовать специфике данного объекта. Это происходит не всегда, что, на мой взгляд, требует обсуждения. Так, наш уважаемый коллега профессор Х.Д. Аликперов, выступая недавно в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе, предложил свою оригинальную концепцию причин индивидуального преступного поведения. Суть ее заключена в следующих положениях:

«...1) в человеческой популяции не существует людей, обладающих иммунитетом от совершения противоправных деяний, так как преступность является свойством человека; 2) многие виды индивидуального преступного поведения не являются продуктом социального конструкта. Они — исторически обусловленная объективная закономерность, утвердившаяся на Земле задолго до возникновения государства и права. В силу этого этиология и бытие многих видов умышленных преступлений как внешних форм проявления преступности не зависят от усмотрения законодателя; 3) существует универсальная причина преступности. Она заключена не в окружающих человека реальностях, а таится в самом *Homo sapiens*. Такой причиной является неудовлетворенная потребность человека; 4) корень причин преступности имеет бинарный характер и состоит из двух не-

линейных компонентов: генетического и внешнего факторов, процесс слияния которых в интегрированное единство порождает неприсущее им в отдельности качество (синергетический эффект) — конкретное преступление; 5) мотивацией при совершении человеком умышленных преступлений всегда выступает его неудовлетворенная потребность (различного уровня и этиологии), реализовать которую он не смог или не захотел в рамках правового поля. Все остальные факторы (экономического, социального и иного характера), участвующие в формировании преступной мотивации, являются факультативными; 6) в механизме индивидуального преступного поведения потребности играют роль доминанты, внешние факторы (естественные, техногенные, социальные) — роль сопутствующую (повод, условия и т.п.). Поэтому нельзя все многообразие смысла понятия «преступление» сводить к его нормативному определению, а причины преступности объяснять лишь социальными явлениями.

...Причины преступности — не от мира сего, они гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им конкретное преступление — не что иное, как генетически обусловленный опредмеченный поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в геноме *Homo sapiens*, который активизируется лишь при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного или социального свойства,

воспользовавшись которыми он удовлетворяет свои потребности, которые не мог или не хотел реализовать в рамках закона» [1; 2].

Представляется, что в приведенных положениях все же нет целостной внятной концепции, четкой и цельной методологической основы. Использован, похоже, если так можно сказать, лишь «метод хорошей головы». Из изложенных тезисов неясно, в чем выразилась неприемлемость или уязвимость известных парадигм криминологии, в какой степени использованы достижения, положения и выводы смежных наук — философии, психологии, этики, социологии, возможно, психиатрии. А ведь сегодня как никогда важна конвергенция, синтез научных подходов, пытающихся объяснить деструктивное поведение. Особая сложность изучения причин преступного поведения и определения путей повышения ответственности граждан перед государством (и наоборот, государства перед гражданами) заключается в том, что преступность является лишь одной из форм социальной патологии, а правовое воздействие на нее лишь одно из средств, причем неглавное, в борьбе с последней. Преступность выступает интегративным результатом функционирования многих разноуровневых и разнообразных социальных систем, их противоречивости и несогласованности. Отсюда дополнительно возникает задача комплексного и системного исследования названных проблем.

Помимо прочего, уважаемым коллегой невольно смешиваются разные уровни анализа: индивидуальное преступное поведение и преступность как социальное явление. Как известно, следует различать причины индивидуального преступного поведения и преступности как совокупности всех преступлений. Представляется, что методологически правильнее изучать причины конкретных преступлений на основе предварительного познания причин преступности в целом, применяя метод восхождения от абстрактного к конкретному. «Кажется правильным, — писал К. Маркс, — начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок... между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным» [3, т. 12, с. 726]. Как отмечал В.Н. Кудрявцев, через познание причин индивидуального противоправного поведения невозможно объяснить причины правонарушений в целом; наоборот, только совокупность общественных условий жизни людей дает основу для глубокого пони-

мания поведения отдельных личностей [4]. Механизм детерминации преступного поведения представляет собой весьма сложную, многослойную и многоуровневую систему, включающую, на мой взгляд, два основных блока (цепи) социальной детерминации: деформации общественных отношений — конфликт интересов — деформации микросреды — нездоровый микроклимат — отклонения в образе жизни индивида — антиобщественная направленность (отчуждение) личности — преступление. Цепь вторичной детерминации: дефекты социальных норм — недостатки уголовно-правовой борьбы с преступностью — корпоративная (групповая) мораль — неадекватная самооценка — преступление — наказание [5].

Причины преступности не сводятся к простому «набору» причин отдельных преступлений. Причина конкретного преступления лишь частично входит в причину преступности в целом. И сколько бы мы ни раскладывали на различные элементы механизм индивидуального преступного поведения, подлинного причинного объяснения преступности мы не найдем, ограничиваясь рамками лишь отдельного преступного акта, как и наоборот. В то же время это не означает, что и причина каждого преступления «зеркально» отражает причины преступности. Здесь имеет место более сложная, диалектически противоречивая взаимосвязь.

Х.Д. Аликуперов задается вопросом: «Существуют ли в культурной среде индивидуумы, способные не совершать преступления, вести себя всегда правопослушно?» Однако если есть способные совершать преступления, то есть и те, кто способен быть правопослушным. Если все в равной степени способны на преступление, то вопрос о степени и характере общественной опасности личности преступника, о типологии личности преступника снимается, и вряд ли это обоснованно. Особенно это характерно для так называемых случайных преступников, у которых нет явной склонности к преступлению. Представляется, что в данном случае смешиваются два понятия — «личность преступника» и «преступная личность», что не одно и то же. Кроме того, не принимается в расчет и необходимость определенной типологизации преступников по опять-таки ключевому признаку — склонности к преступлению.

До сего дня ряд криминологов, включая самых известных, настаивают на том, что личности преступника не существует, так как у лиц, совер-

шивших преступление, отсутствуют какие-либо специфические черты, отличающие их от законопослушных граждан [6]. В работе «Философия преступления» мы читаем: «Кто такой преступник? Им является всякий человек. Каждый человек не только способен на преступление теоретически, но и совершает его при каждом удобном и неудобном случае». «Любой человек способен и на низкое преступление, и на возвышенный поступок вплоть до самопожертвования». «Преступное поведение стало массовым, а значит, обычным; обычное же поведение стало по преимуществу преступным. Различие между ними стало чисто формальным» [7].

Каждый ли способен на преступление? Если да, то каждый ли тогда способен и на героизм? Или только на преступление? Так, автор недавно вышедшей книги «Каждый способен на убийство» [8] именно этот тезис пытается обосновать. Но тогда действительно никакой личности преступника не может быть, или, что то же самое, все мы — реальные или потенциальные преступники, убийцы, насильники. Точно с таким же успехом можно утверждать, что мы все — покойники в отпуске, ибо смертны. Нет ли здесь элементов некоей демагогии?

Мы должны учитывать и так называемый эффект Люцифера, когда вполне нормальные люди в определенной ситуации ведут себя неадекватно, т.е. когда внутренние ограничения ослаблены, поведение подчиняется внешним ситуационным стимулам; внешнее доминирует над внутренним. То, что можно и доступно, доминирует над тем, что правильно и справедливо. Моральный компас личности и группы выходит из строя. Дегуманизация — основное положение, объясняющее жестокость человека к человеку. Дегуманизация возникает всякий раз, когда одни люди начинают считать, что моральные нормы, определяющие, что значит быть человеком, к другим людям не относятся. Дегуманизируя других людей, мы превращаем их в объекты, не считаем их людьми. Считая, что некоторые люди или группы не относятся к человечеству, дегуманизируя их, мы отказываемся от моральных принципов, обычно управляющих нашим отношением к другим людям [9].

Чисто абстрактно, конечно, от каждого можно ожидать, что он рано или поздно выберет преступный вариант поведения. Но аналогично тому, что у каждого человека разные способности и склонности, склонность к преступлению присуща, слава богу, далеко не всем. Не случай-

но поэтому и криминология, и уголовное право используют категорию общественной опасности личности как главного свойства преступника. И эта опасность различна у разных категорий лиц, совершивших преступление. Кроме того, указанная позиция не принимает в расчет и необходимость определенной типологизации преступников по опять-таки ключевому признаку склонности к преступлению.

О понятии преступности. Поскольку понятие преступления и круг преступлений описывает уголовный закон, то и понятие преступности как совокупности всех преступлений должно быть «привязано» к кругу преступлений, предусмотренных УК. Х.Д. Аликперов полагает иначе: преступность, пишет он, есть «исторически изменчивый деструктивный феномен, утвердившийся на Земле задолго до возникновения государства и права». На мой взгляд, опасное девиантное поведение может быть признано преступным только после его закрепления в УК и никак иначе, поэтому о преступности в строгом юридическом смысле правомерно говорить только, когда круг преступных деяний зафиксирован в законе. Впрочем, подобный спорный разрыв правовых и криминологических понятий все чаще встречается и в других работах. Так, Ю.М. Антонян говорит о том, что преступность «ни в коем случае не является правовым понятием, поскольку не регулируется правом, в котором нет такой категории, как преступность. Правовым следует считать только преступление» [10, с. 6]. Представляется, что такой вывод нелогичен: преступность, включающая сумму преступлений, предусмотренных законом, вдруг выпадает за пределы закона. Д.А. Шестаков, как известно, идет еще дальше, предлагая понимать уже и под непосредственно преступлением «деяние, представляющее для человека и общества значительное зло безотносительно к признанию такого деяния в качестве преступления законом» [11, с. 217]. Возникает вопрос: насколько целесообразно употреблять один и тот же термин в разных смыслах?

Х.Д. Аликперов пишет о несогласии с «господствующей в криминологии» парадигмой. А какая парадигма сейчас господствует? Есть различные концепции, по-разному отвечающие на вопросы о причинности преступности, и было бы целесообразно дать их анализ.

Определение детерминантов преступности как «комплекса социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность»

представляется бессодержательным, так как остается неясным, в чем же заключается криминогенная особенность этого «комплекса». Ведь и в целом развитие социума, как положительное, так и деструктивное, тоже есть результат «комплекса социальных явлений».

По мнению Х.Д. Аликуперова, «этиология и бытие многих видов умышленных преступлений как внешних форм проявления преступности не зависят от усмотрения законодателя». Полагаю, напротив: «этиология и бытие» многих видов умышленных преступлений как раз и зависят от усмотрения законодателя, нередко научно не обоснованного, криминализирующего те или иные деяния посредством включения их в Уголовный кодекс. «Сами по себе» деяния в специальном качестве преступления, без включения в УК, не существуют. Как верно отмечает Я.И. Гилинский, нет «преступлений» и «преступности» по *содержанию* деяний, относимых уголовным законом любого государства к «преступлениям». «Преступления» — продукт криминализации государством (властью, режимом) тех или иных деяний здесь и сейчас [12].

На мой взгляд, нет и пресловутой «универсальной причины преступности», как нет и универсальной таблетки — панацеи от всех болезней. «Мотивацией при совершении человеком умышленных преступлений, — пишет Х.Д. Аликуперов, — всегда выступает его неудовлетворенная потребность». Но мотивацией для любого, а не только преступного поведения является стремление к удовлетворению той или иной потребности. Ссылка на «мотивацию» ничего не объясняет.

Вероятно, дело не столько в неудовлетворенной потребности, сколько в возникшей личной неадекватности: виновный идет на нарушение норм морали и права в попытках компенсировать собственную внезапно возникшую или хроническую, социальную, психологическую, моральную, психическую или даже физическую ущербность. Возникают две основные мотивации: агрессия и/или корысть. Агрессия позволяет как бы возвыситься самому за счет ближнего — унижения потерпевшего и/или насилия над ним. Корысть заключается в стремлении к личной имущественной выгоде, присвоении чужого, получении незаслуженного/незаконного преимущества, т.е. в стремлении как бы возвыситься над другими (или даже всеми) в материальном плане. И первая, и вторая мотивация возможна постольку, поскольку дру-

гие люди воспринимаются лишь как средство для достижения своих целей.

И наконец, насчет «бинарной сингулярности», на которую ссылается Х.Д. Аликуперов. Генезис индивидуального преступного поведения, вероятно, носит более сложный характер, не сводимый лишь к двойственности взаимодействующих криминогенных факторов. Это социальная и, возможно, природная (макро- и микро-) среда, сама личность, причем в трех ипостасях: социальные роли, духовно-нравственная направленность и биологически обусловленные свойства.

Надо сказать, что в целом в мировой и отечественной криминологии продолжается негласное противостояние двух различных основных теоретико-методологических концепций (парадигм), каждая из которых претендует на адекватное научное отображение исследуемого предмета. В литературе противостоящие концепции-парадигмы обозначают, соответственно, как нормативистскую и социологическую [13, с. 15–16]. Большинство отечественных криминологов стоят на позициях традиционной нормативистской криминологии. К числу основных представителей социологической парадигмы относятся такие известные ученые, как Ю.Д. Блувштейн, Я.И. Гилинский, А.М. Яковлев и др. Напомню, в чем суть названных парадигм.

Нормативистская криминология исходит из приоритета уголовно-правовых оценок преступности (берет их за базовые, исходные в определении массива преступности); преступность рассматривает как явление ненормальное, непереносимое в жизни общества, как своеобразную форму социальной патологии; делает попытку выявить специфику причин преступности по сравнению с другими видами отклоняющегося поведения; ведет поиски неких специфических черт, которые выделяют личность преступника из среды законопослушных граждан.

«Социологи» берут за основу иные исходные посыпки. Во-первых, они полагают, что границы между преступностью и другими видами отклоняющегося поведения определены в значительной степени произвольно (носят «конвенциональный» характер). Во-вторых, они утверждают, что преступность представляет собой не только закономерное, но и «нормальное» явление, функционирующее как необходимый элемент жизнедеятельности социального организма. Одним из первых эту идею высказал Э. Дюркгейм [14]. Преступность рассматрива-

ется не как специфическое, а как практически равнозначное другим видам социальных отклонений явление и исследуется с позиций, общих для названных видов. В-четвертых, «социологи» категорично настаивают на утверждении, что преступность не имеет никаких специфических причин по сравнению с пьянством, наркотизмом, самоубийствами и т.п. И наконец, преступник в рамках данной концепции предстает не столько злодеем, сколько жертвой неблагоприятных социальных условий.

Обе названные парадигмы имеют свои сильные и слабые стороны. Так, «нормативисты» объясняют необходимость уголовно-правового воздействия на преступность объективной потребностью общества в определенной упорядоченности общественных отношений, при этом они как бы апеллируют к высшей социальной справедливости, которую должна олицетворять уголовная политика государства. К сильной стороне указанной парадигмы нужно также отнести (хотя «социологи» с этим не согласны) адекватное видение реальной преступности, и особенно ее собственных закономерностей. В то же время слабым местом многих работ, выполненных в духе «нормативизма», является несомненная апологетика в подходе к преступности, ибо криминологи — представители этого направления нередко исходят из презумпции оптимальности уголовного законодательства, действующего на момент исследования. Но ведь и закон может быть плох, что проявляется, например, в чрезмерной криминализации и т.п.

«Социологи», в свою очередь, хорошо показывают общие черты преступности и других видов негативно отклоняющегося поведения; четко видят связь преступности с реальными социальными процессами, ее социальную обусловленность; нередко вполне обоснованно указывают на слабые места действующего уголовного закона; верно показывают сходство преступников с законопослушными гражданами; вместе с тем и здесь в глаза бросается уязвимость целого ряда исходных идей. Во-первых, «социологи», всячески стараясь подчеркнуть «неюридичность» своих теоретических конструкций, фактически разрушают органическую связь криминологии с уголовным правом. Во-вторых, представители данного направления, по сути, игнорируют специфические закономерности, свойственные собственно преступности, не учитывают, в частности, ее способности к самовоспроизводству. В-третьих, они не видят

особенностей как причинного комплекса преступности, так и личности преступника.

Думается, что реальное многообразие теоретических, методологических концепций в криминологии значительно богаче, нежели сведение его к противостоянию двух вышеназванных подходов. Но предварительно было бы целесообразно дать обобщенную характеристику накопленного массива криминологических знаний.

Представляется, что методологический базис теоретической криминологии образуют все же оба основных конкурирующих подхода — аксиологический (нормативистский) и онтологический (социологический). Нормативистский, аксиологический, подход неизбежно должен присутствовать при исследовании социальных явлений, ибо оценочный момент органически присущ такому исследованию в силу специфики общественной жизни. На это обстоятельство в свое время обратил внимание еще М. Вебер. По его справедливому утверждению, в науках об обществе нет и не может быть нейтрально объективистской позиции [15, с. 127]. Любое социальное явление имеет определенную социальную ценность, значимость для человека, общества, и эту ценность наука может и должна оценить, измерить, ранжировать и т.д.

С точки зрения аксиологического подхода преступность должна рассматриваться в системе координат «норма — патология», «добро — зло», «социальная гармония — социальная деформация», «сущее — должное» и т.п. Указанный подход обосновывает «ненормальность» преступности и необходимость ее преодоления, по крайней мере, всемерного противодействия ей. Правда, крайним выражением такого подхода служит объявление «войны» уже даже не преступности как явлению, а преступникам как его носителям.

Онтологический, социологический, подход к преступности дает возможность понять ее историческую неизбежность, социальную закономерность. В конечном счете общество должно прийти к выводу о необходимости как бы примириться с существованием преступности в силу ее социальной «запрограммированности». Однако и здесь возможны крайние суждения, сводящиеся к тому, что преступность объявляется явлением нормальным и каждого человека рассматривают как потенциального или реального преступника.

Могут ли совмещаться в рамках одной теории два столь разных и взаимоисключающих

подхода? Практически все отечественные криминологи на поставленный вопрос отвечают отрицательно. И все же более верным мне представляется иное решение. В определенных пределах оба теоретико-методологических подхода имеют эвристическую ценность и соотносятся — во всяком случае, должны соотноситься — по известному принципу дополнительности. Этот принцип в науке в свое время был выдвинут Н. Бором с целью обоснования возможности одновременного применения динамического и пространственного представления для описания целостной картины микромира [16, с. 64]. Полагаю, что принцип дополнительности должен найти свое место и в методологическом арсенале криминологии.

Аксиологический подход к объяснению причин преступности логично привел к конструкции так называемых социальных деформаций, которой в общем придерживается и автор настоящей статьи. Существование преступности при таком подходе связывается с наличием в обществе глубоких деформаций, вызывающих отчуждение граждан от ценностно-нормативной системы государства. Но при попытках максимально конкретизировать содержание названной категории возникают большие трудности.

В принципе возможны два варианта трактовки социальных деформаций. В первом случае деформации рассматриваются как отклонения от некоей «социальной нормы», того «оптимального образа жизни», который «реально существует или в принципе достижим» для конкретного общества в конкретных исторических условиях его существования. О «нормальности» общества свидетельствуют стабильность и прогрессивное развитие его политической, экономической, социальной и духовной сфер, низкий уровень и благоприятная динамика преступности. Напротив, свидетельством «ненормальности» данного общества, его глубокой деформированности выступают экономический кризис, рост уровня преступности, пьянства, аморализм и т.п.

Такое толкование деформаций в основе своей представляется правильным, если только оно ориентируется не на какие-то утопические социальные идеалы, а на ценности, реально достижимые в рамках конкретной страны, региона и т.п. Но и здесь исследователь сталкивается с серьезными трудностями. Во-первых, кому и как надлежит определить критерии «средних стандартов в условиях жизни», «типового образа жизни», «общепринятых нравственных

норм», о которых говорят сторонники такого подхода? А во-вторых (самое, пожалуй, главное), для конкретного исторического общества реально достижима лишь та или иная степень, мера «нормальности». В чем-то общество всегда останется «ненормальным» в силу его исторического несовершенства, приводящих обстоятельств и т.п.

Во втором случае деформации понимаются более широко, не только как «деформации-нарушения», но и как «деформации-несовершенства», связанные с объективной неразвитостью, незрелостью общественных отношений, тех или иных сфер общественной жизни, по сравнению со своего рода социальным эталоном данных отношений. Эталон не определяется умозрительно, а объективно диктуется исторической перспективой, доминирующей тенденцией развития данного общества или всей человеческой цивилизации. Второй вариант представляется более удачным, хотя и здесь возникает серьезная проблема определения критериев общества, достигающего наиболее полной социальной гармонии. Конечно же, абсолютно совершенным общество никогда стать не в состоянии. Представления о таком обществе в каждый исторический отрезок времени играют роль своеобразного социального горизонта-цели, который будет удаляться (и изменяться) по мере приближения к нему.

Новая парадигма, которая уже начала входить (правда, до сих пор очень медленно) в методологический арсенал отечественной криминологии, связана с восприятием криминологами идей синергетики. В последние годы уже предпринимаются попытки применить синергетические подходы в юридической науке. В отечественной криминологической литературе наиболее полно и содержательно проблема представлена Г.Н. Горшенковым. Он отмечает, что сегодня для криминологов открывается возможность разработки криминологического инструментария нового поколения системной методологии, основанного, в частности, на синергетическом подходе [17].

Синергетика — это сравнительно новое междисциплинарное научное направление, в рамках которого изучается, по определению ее основателя Г. Хакена, совместное действие отдельных частей какой-либо неупорядоченной системы, в результате которого происходит самоорганизация сложных систем и образование устойчивых структур [18, с. 15]. В рамках крими-

нологии интересны, конструктивны и заслуживают применения оригинальные представления синергетики о многовариантности и непредсказуемости, видах случайности, глубокой взаимосвязи хаоса и порядка, процессах и механизмах самоорганизации в природе и обществе, специфике открытых (нелинейных) систем и др. Синергетические идеи были бы полезны в криминологии как для объяснения причин преступного поведения, так и для организации систем профилактического и правового воздействия на преступность.

С точки зрения синергетики случайность может выступать не только как проявление необходимости, но и как дополнение к ней. Следует различать два вида случайности. Во-первых, это классическая случайность, когда необходимость «пробивается», по выражению Ф. Энгельса, через массу случайностей. Но есть случайность, которая лишь дополняет необходимость, привнося в процессы взаимодействия элементы непредсказуемости и неопределенности. Именно последнее обстоятельство дает основание говорить как о случайном преступнике, так и о случайном совершении преступления.

Для объяснения причин преступности полезно также использование криминологией принципа подчинения. В синергетике данный принцип означает, что сложную задачу можно свести — без риска впасть в упрощение — к решению небольшого числа переменных («параметров порядка»), которые определяют все остальные. В познании причинного комплекса преступности очень важно найти те обобщающие показатели, которые играют в системе названного комплекса главную, определяющую роль.

При изучении проблем борьбы с преступностью, особенно с ее устойчивыми организованными формами, важна идея синергетики о процессах самоорганизации и путях влияния на эти процессы извне.

Возможно, синергетический подход мог бы лечь в основу и принципиально новой концепции профилактики преступности в целом. Так, синергетические представления позволяют объяснить, почему нередко очень сильное внешнее воздействие на систему оказывается гораздо менее эффективным, чем в тысячи раз более слабое, и наоборот. Согласно традиционным подходам, управляющее воздействие на что-либо зависит главным образом от величины затраченных энергии и усилий. Но на самом деле оно должно быть не столько сильным, сколько

резонансным, т.е. в максимальной степени согласованным со свойствами управляемой системы. Как известно, стремление к предельной управляемости, централизации, насильственной переделке всего и вся уже привело в свое время наше общество к глубочайшему кризису. Усилия правящей власти оказались тщетными, так как шли вразрез с собственными тенденциями саморазвития общества.

В этом плане одна из самых важных задач криминологии — найти те «болевые точки» социального организма, воздействие на которые максимально способствовало бы нравственному оздоровлению и социальному прогрессу общества, более успешному противодействию преступности.

Позитивная криминология — новая парадигма? В последние годы в криминологической литературе получила определенное развитие идея так называемой позитивной криминологии. За рубежом эта идея все более активно продвигается на практике, в частности в профилактике рецидивной преступности [19–21]. Насколько правомерно использовать сам термин? Речь, разумеется, не идет о «позитивности» преступления и преступника. Это, безусловно, негативные явления. Некорректно, как представляется, было бы говорить и о «нормальности» преступности, о чем уже было сказано выше. Речь идет об ином, более взвешенном конструктивном подходе к оценке — как причин преступного поведения, так и способах, альтернативных карательным, — воздействия на личность преступника. Возможно, более подходящим был бы термин «интегративная криминология», если иметь в виду целостное интегративное видение криминальной реальности и ее носителей, что представляется крайне важным. Однако вполне уместно и своевременно ставить вопрос именно о позитивной криминологии, подразумевая поиск конструктивного и более гуманного, чем традиционные, подхода к разрешению нынешних и будущих конфликтов между личностью и государством, выразившихся в совершении преступлений. Как известно, и современные психологи, начиная с М. Селигмана, сегодня все больше уходят от традиционных «репрессивных» представлений и все более и более активно развивают так называемую позитивную психологию [22]. Но и в нашей стране подход к личности, основанный на опоре на ее лучшие, позитивные стороны, на практике успешно реализовал выдающийся пе-

дагог А.С. Макаренко, а сегодня его продолжает осуществлять школа Ш. Амонашвили и др.

В основе позитивной криминологии лежит *гуманно-личностный* подход. А.З. Рыбак верно отмечает, что помещение человека в центр познания — необходимое условие для дальнейшего развития именно гуманитарных наук [23, с. 18]. Впрочем, это утверждение нисколько не помешало коллеге на этой же странице отказать от признания реального существования личности преступника, сведя последнюю к «фикциям» и некоему «набору историй о человеке», что спорно.

Некоторые склонны рассматривать человека всего лишь как представителя животного мира, как биологический вид. Но есть ведь и социальная форма движения материи, роль которой нельзя отрицать. Есть также сознание, но не как простая отражательная способность, свойство материи, как принято считать, а как самостоятельная сущность, равновеликая материальному миру. У некоторых индивидов оно, по всей видимости, отсутствует или спит, и они опускаются, похоже, до уровня животных. Может быть, проблема человечества в необходимости пробуждения от животной спячки и активации духовных ценностей? Отрицание роли и богатства *духовного мира* в жизни человека логично приводит к мизантропическому взгляду на человечество и его поведение.

В последние годы в отечественной литературе возрос интерес к философско-методологическим основам уголовного права и криминологии, в том числе к роли личности преступника в преступном поведении в соотношении с обстоятельствами социальной среды. Далеко не все подходы представляются бесспорными. Так, Е.С. Жигарев и В.И. Петухов утверждают, что «если авторы стоят на первой (марксистской) позиции, то они должны признать, что личность, совершившая преступление, ни в чем не виновата, ведь причины, побудившие преступное поведение, имеют объективный характер и не зависят от сознания и воли индивида» [24, с. 243].

Однако, как хорошо известно, марксизм, при всей его ортодоксальности, никогда не отрицал активной обратной роли субъективных факторов, роли личности не только в истории, но и в определении в целом и линии жизни, и конкретных поступков. Представляется, что принцип «свободы воли» (вины) и принцип детерминизма в научном объяснении истоков противоправного поведения не противоречат друг другу по существу.

И на уровне преступности в целом, и на уровне индивидуального преступного поведения роль субъективных факторов — общественного сознания и индивидуальной социально-нравственной направленности личности, по сути, равнозначна влиянию факторов объективных, находящихся в обществе в целом либо в микросреде конкретного лица. Известное выражение К. Маркса «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [3, т. 3, с. 37] сегодня правомерно может звучать и так: люди в такой же мере творят обстоятельства, в какой обстоятельства творят людей. «Материалистическое учение о том, — писал сам Маркс, — что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан...» [там же, с. 2]. Все мы — не пешки и не жертвы непреодолимой фортуны, а субъекты, имеющие возможность выбора и отвечающие за свой выбор, будь то президент, правительство, жизненный путь или преступление.

И все же я бы уточнил расхожее представление о «свободе воли» лица, совершающего преступление, как необходимой субъективной предпосылке вины и уголовной ответственности. Преступление может быть признано таковым только тогда и в той мере, в какой совершенное преступление зависело от самого действующего (или бездействующего) лица, т.е. вина устанавливается в зависимости от степени избирательности поведения, возможности и способности выбора варианта поведения. Но, по большому счету, любое преступление как ошибочный противоправный вариант поведения есть результат отсутствия подлинной свободы, опирающейся на осознание необходимости и полезности законопослушного поведения. Разумеется, я не имею в виду крайние ситуации, когда государство само ведет себя преступно по отношению к своим гражданам и провоцирует их на преступления, в том числе революционного характера. Этот ошибочный выбор есть произвол, псевдосвобода. Маркс говорил, что болезнь есть стесненная в своей свободе жизнь [там же, т. 1, с. 64]. Но и преступление как вид социальной патологии тоже есть не что иное, как стесненная в своей свободе жизнь.

Чего не видим мы, криминологи, в личности преступника? Как раз невидимой части — души.

А что это? А она вообще есть? Но это как вопрос о существовании Бога — науке, человечеству, вероятно, не дано доказать ни его существование, ни наоборот. Впрочем, есть попытки научных исследований души со стороны гуманитариев [25–27]. Не пора ли и криминологам заглянуть в глубину личности, в ее сущность? Если личность не сводима к «индивидуальному варианту общественных отношений» (по Марксу), то где же она? По своему социальному содержанию каждый человек — продукт Социума, а по сущности, вероятно, носитель Духа (частицы Бога / Космического Разума и т.п.). Может быть, пора криминологии включить в свой предмет сущность личности в этом аспекте? Ю.М. Антонян не согласился с таким подходом, поскольку это, как он полагает, теологический, а не научный подход [28]. Такое возражение можно было бы принять, если бы мы оставались на позициях, как нам представляется, устаревшей вульгарно-материалистической философии.

В любом случае личность преступника — это не черт из табакерки, это все же результат социально-нравственного формирования. Психолог С.Н. Братусь убедительно показывает разницу между психологически нормальным и аномальным развитием человека. Нормальное развитие — это такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности. Аномальным, отклоняющимся от нормального является такого рода развитие, которое ведет человека к отъединению, отрыву от его всеобщей родовой сущности. Условиями и одновременно критериями такого развития он считает: отношение к человеку как к средству, как к конечной, заранее определяемой вещи

(центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабая выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего; неверие в свои возможности; отсутствие или крайне слабая внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни [29, с. 49–50].

Таким образом, любой преступник — это, как правило, в той или иной степени неадекватная (морально, психически, социально) личность. Истинно свободный человек не способен на преступление, а значит, в принципе не может представлять никакой общественной опасности.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые, хотя и важные, парадигмы. В любом случае, какие бы положения ни лежали в основе современных криминологических исследований, бесспорно, что параметры и направления развития отечественной криминологии в существенной степени будут зависеть от формата и степени совершенства будущего общества. И либо общество будет всячески содействовать развитию и внедрению рекомендаций современной криминологии, понимая ее возможный вклад в реальное позитивное воздействие на общественные отношения, помогая вытеснять преступность, либо, наоборот, деградирующее государство не увидит необходимости в новых подходах со всеми вытекающими отсюда последствиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликперов Х.Д. Новое видение причин индивидуального преступного поведения / Х.Д. Аликперов // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. — 2022. — 5 марта. — URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/438-problemy-prichinnosti-v-kriminologii>.
2. Аликперов Х.Д. Причины преступности: опыт критического анализа / Х.Д. Аликперов. — DOI 10.31857/S013216250019597-9. — EDN FPGUHG // Социологические исследования. — 2022. — № 4. — С. 85–92.
3. Маркс К. Сочинения. В 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1954.
4. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Наука, 1976. — 286 с.
5. Номоконов В.А. Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Номоконов. — Москва, 1991. — 36 с. — EDN ZLFYMH.
6. Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2018. — 573 с.
7. Поздняков Э.А. Философия преступления / Э.А. Поздняков. — Москва, 2001. — 576 с.
8. Басс Д.М. Каждый способен на убийство / Д.М. Басс. — Москва : Эксмо, 2023. — 368 с.
9. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. — 744 с.
10. Антонян Ю.М. Преступность в России / Ю.М. Антонян, О.Р. Афанасьева, М.П. Гончарова. — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 272 с.
11. Шестаков Д.А. Преступность политики / Д.А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. — 223 с.

12. Гишинский Я.И. Современная криминология о преступности и противодействии ей / Я.И. Гишинский. — EDN SPKYQK // Криминалист. — 2022. — № 1. — С. 3–7.
13. Блувштейн Ю.Д. Основания криминологии / Ю.Д. Блувштейн, А.В. Добрынин. — Минск : Университетское, 1990. — 206 с.
14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — Москва : Канон, 1991. — 430 с.
15. Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера / А.И. Патрушев. — Москва : Изд-во МГУ, 1992. — 207 с.
16. Сейфуллаев Р.С. Концепция причинности и ее функция в физике / Р.С. Сейфуллаев. — Новосибирск : Наука, 1973. — 134 с.
17. Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации / Г.Н. Горшенков. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2009. — 214 с.
18. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. — Москва : Мир, 1980. — 404 с.
19. Ronel N. The Practice of Positive Criminology: A Vipassana Course in Prison / N. Ronel, N. Frid, U. Timor // International Journal of Offender Criminology Therapy and Comparative International Journal. — 2013. — Vol. 57, № 2. — P. 133–153.
20. Positive Criminology and Rethinking the Response to Adolescent Addiction: Evidence on the Role of Social Support, Religiosity, and Service to Others / B.R. Johnson, M.T. Lee, M.E. Pagano, S.G. Post // International Journal of Criminology and Sociology. — 2016. — № 5. — P. 172–181.
21. Ronel N. A Different Perspective: Introducing Positive Criminology / N. Ronel, E. Elisha // International Journal of Offender Psychotherapy and Comparative Criminology. — 2011. — Vol. 55, № 2. — P. 305–325.
22. Селигман М. Новая позитивная психология: [научный взгляд на счастье и смысл жизни] / М. Селигман. — София, 2006. — 367 с.
23. Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении / А.З. Рыбак. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 296 с.
24. Жигарев Е.С. Философия криминологии / Е.С. Жигарев, В.И. Петухов. — Москва : Олма пресс, 2006. — 380 с.
25. Секлитова Л.А. Душа и тайны ее строения / Л.А. Секлитова, Л.Л. Стрельникова. — Москва : Амрита-Русь, 2023. — 368 с.
26. Стрельников А.Н. Философия души / А.Н. Стрельников. — Москва : Золотое сечение, 2023. — 160 с.
27. Хакимов А. Возрождение души. Таинственная природа личности / А. Хакимов. — Москва : Эксмо, 2022. — 240 с.
28. Антонян Ю.М. Перспективы криминологии / Ю.М. Антонян. — EDN EYWTWP // Общество и право. — 2019. — № 1. — С. 25–32.
29. Братусь С.Н. Аномалии личности / С.Н. Братусь. — Москва : Мысль, 1988. — 304 с.

REFERENCES

1. Alikperov Kh.J. A New Vision of the Causes of Individual Criminal Behavior. *Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi kriminologicheskii klub = Saint Petersburg International Criminological Club*, 2022, March 5. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/438-problemy-prichinnosti-v-kriminologii>. (In Russian).
2. Alikperov Kh.J. Causes of Crime: a Critical Analysis. *Sotsiologicheskoe issledovaniya = Sociological Studies*, 2022, no. 4, pp. 85–92. (In Russian). EDN: FPGUHG. DOI: 10.31857/S013216250019597-9.
3. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954.
4. Kudryavtsev V.N. *Causes of Offences*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 286 p.
5. Nomokonov V.A. *Criminal Behavior: Mechanism of Determination, Causes, Liability*. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1991, 36 p. EDN: ZLFYMH.
6. Gilinskii Ya.I. *Criminology. Theory, History, Empirical Basis, Social Control*. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2018. 573 p.
7. Pozdnyakov E.A. *Philosophy of Crime*. Moscow, 2001. 576 p.
8. Buss D.M. *The Murderer Next Door*. New York, Penguin Press, 2005. 296 p. (Russ. ed.: Buss D.M. *The Murderer Next Door*. Moscow, Eksmo Publ., 2023. 368 p.).
9. Zimbardo F. *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. New York, Random House, 2007. 576 p. (Russ. ed.: Zimbardo F. *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. Moscow, Alpina Non-fikshn Publ., 2019. 744 p.).
10. Antonyan Yu.M., Afanaseva O.R., Goncharova M.P. *Crime in Russia*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 272 p.
11. Shestakov D.A. *The Criminality of Politics*. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2013. 223 p.
12. Gilinsky Ya.I. Modern Criminology on Crime and its Counteraction. *Kriminalist = Criminalist*, 2022, no. 1, pp. 3–7. (In Russian). EDN: SPKYQK.
13. Bluvshstein Yu.D., Dobrynin A.V. *Basics of Criminology*, Minsk, Universitetskoe Publ., 1990. 206 p.
14. Durkheim E. *On the Division of Labor in Society*. New York, Macmillan, 1933. 420 p. (Russ. ed.: Durkheim E. *On the Division of Labor in Society*. Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p.).
15. Patrushev A.I. *The Uncharmed World of Max Weber*. Moscow State University Publ., 1992. 207 p.
16. Seifullae R.S. *The Concept of Causality and its Function in Physics*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1973. 134 p.
17. Gorshenkov G.N. *Criminology: Research Innovations*. Nizhny Novgorod State University Publ., 2009. 214 p.
18. Haken H. *Synergetics*. New York, Springer-Verlag, 1978. 355 p. (Russ. ed.: Haken H. *Synergetics*. Moscow, Mir Publ., 1980. 404 p.).
19. Ronel N., Frid N., Timor U. The Practice of Positive Criminology: A Vipassana Course in Prison. *International Journal of Offender Criminology Therapy and Comparative International Journal*, 2013, vol. 57, no. 2, pp. 133–153.
20. Johnson B.R., Lee M.T., Pagano M.E., Post S.G. Positive Criminology and Rethinking the Response to Adolescent Addiction: Evidence on the Role of Social Support, Religiosity, and Service to Others. *International Journal of Criminology and Sociology*, 2016, no. 5, pp. 172–181.
21. Ronel N., Elisha E. A Different Perspective: Introducing Positive Criminology. *International Journal of Offender Psychotherapy and Comparative Criminology*, 2011, vol. 55, no. 2, pp. 305–325.
22. Seligman M. *The New Era of Positive Psychology*. Sophia, 2006. 367 p.
23. Rybak A.Z. *Criminology in the Human Dimension*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 296 p.
24. Zhigarev E.S., Petukhov V.I. *The Philosophy of Criminology*. Moscow, Olma Press Publ., 2006. 380 p.
25. Seklitova L.A., Strel'nikova L.L. *The Soul and Mysteries of its Structure*. Moscow, Amrita-Rus Publ., 2023. 368 p.

26. Strelnikov A.N. *The Philosophy of Soul*. Moscow, Zolotoe Sechenie Publ., 2023. 160 p.

27. Khakimov A. *Renaissance of the Soul. Mysterious Nature of Personality*. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 240 p.

28. Antonyan Yu.M. Prospects of Criminology. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2019, no. 1, pp. 25–32. (In Russian). EDN: EJJWTP.

29. Bratus S.N. *Anomalies of Personality*. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Номоконов Виталий Анатольевич — профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: nomokonov.va@dvfu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nomokonov, Vitaly A. — Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: nomokonov.va@dvfu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Номоконов В.А. Парадигмы современной криминологии / В.А. Номоконов. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(3).213-224. — EDN ZUWJDI // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 3. — С. 213–224.

FOR CITATION

Nomokonov V.A. Paradigms of Modern Criminology. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 213–224. (In Russian). EDN: ZUWJDI. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(3).213-224.